

ДИКІЙ
ЧЕЛОВѢКЪ,
СМѢЮЩІЙСЯ

УЧЕНОСТИ И ПРАВАМЪ

Ивану Николаевичу

НЫНѢШНЯГО СВѢТА.

№ 476.

изд. П. Богдановичемъ.

второе писаніе.

въ Санктпетербургѣ 1790 года.

продается по Невской Перспективѣ у Аничковского
мѣста въ домѣ Г. Зубова по 40 коп.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Персіане, Евреи, Китайцы, Индѣйцы, Греки, угрюмые Агличане довольствующіеся быть зрителями другихъ, французы писатели по своему сложенію, филозофы пріемлющіе иногда и самыя противорѣчія за основаніе своего умствованія, стихотворцы и всякаго рода ученые писали намъ и повседневно лишутъ исторію своихъ мыслей, то есть исторію заблужденій и противорѣчій разума человѣческаго. Всѣ они показываютъ намъ себѣ не таковымъ, какоеъ есть оной въ самомъ дѣлѣ, но таковымъ, каковымъ представляется воображенію каждаго. Одинъ изображаетъ оной иногда самыми нѣжными красками; другій какъ въ краскѣ такъ и въ рисункѣ погрѣшаетъ. Всякъ дѣлаетъ по своему, а никто не слѣдуетъ прямо природѣ.

Не токмо каждый взираетъ особливымъ образомъ на предстоящія ему вещи и различно объ оныхъ разсуждаетъ; но и самыя предмѣты кажутся намъ столь разнообразными и столь разнообразными и потому

раждаютъ въ насъ столь противныя чувствія, что мы не иначе какъ съ трепетомъ должны размышлять и о тѣхъ вещахъ, кои представляются намъ въ самомъ простѣйшемъ видѣ.

Разумъ есть такое существо, о которомъ всякъ говоритъ, но никто ничего не знаетъ. Оной приводитъ въ заблужденіе тѣхъ, кои намѣреваются свойство его изслѣдовать и почитаютъ за дѣйствіе и причину всего, когда не бываетъ предводительствуемъ нѣкоторою сущностію превышающею самой разумъ, которой сравнить можно съ тѣми огневидными лапами, кои путешествователь видитъ въ nocturnalное время, и которые представляя ему обманчивой свѣтъ, нечувствительно съ пути его сбиваютъ и къ пропастямъ приводятъ.

Оной есть младенецъ обманывающій своихъ путевожителей и послѣ имъ посмѣивающійся. Самые великіе философы по большей части были токмо суемудрые люди; мужи самые глубокомысленные сомнѣвались о всемъ даже и собственномъ своемъ существованіи, а люди въ писмословіи искусные, художники славные и всѣ тѣ, кои разумнѣйшимъ образомъ изъясняли и опи-

сывали чувства, не всегда имѣли чувстви-
тельные сердца.

Но если разумъ обманываетъ насъ без-
престанно, если оной подверженъ безчи-
сленнымъ заблужденіямъ; то какое поня-
тіе должны мы имѣть о обитаемомъ на-
ми мірѣ, съ какими чувствованіями дол-
жны езирать на оной, и какія чувствія
родились бы въ томъ человѣкѣ, который
въ первый разъ увидѣлъ бы свѣтъ въ та-
комъ возрастѣ, въ которомъ другіе гото-
вятся оной оставить?

Такиими мыслями упражненъ я былъ въ
то время, когда начертывалъ сіи изслѣдо-
ванія, въ которыхъ читатель увидитъ,
что если разумъ насъ иногда обманываетъ,
то чувства не обманываютъ никогда, и если
оныя не показываютъ причины всему, то
по крайней мѣрѣ научаютъ насъ сомнѣ-
ваться.

Дикій человѣкъ, скитавшійся въ однихъ
шукмо лѣсахъ и пустыняхъ, именемъ
Ацемъ, вознамѣрившись обозрѣть всѣ
различные народы, обитающіе на семъ
маломъ земномъ шарѣ, пришелъ нѣкогда,
забавляясь звѣриною ловлею, въ столицу
самаго просвѣщеннѣйшаго государ-
ства. Тутъ всякъ ему сперва дивился,
и между тѣмъ, какъ одни смѣялись сло-
женію его тѣла, другіе со удивленіемъ
на него взирали, а третіе съ исполнен-
ными слезъ очами вопили, возможно ли,
что бы естество положило такое
различіе между людьми? — Для чего всѣ
они нѣ такъ удивляются? размышлялъ
Ацемъ, и для чего я въ однихъ смѣхъ, а
въ другихъ плачь причиняю? Прикрыва-
ющая нагошу мою звѣриная кожа хотя
и не выдѣлана руками человѣческими,
однако она такая же, каковую и всѣ
употребляютъ, съ тѣмъ шукмо разли-
чіемъ, что она выдѣланной нѣсколько
различной видъ имѣетъ. У однихъ пла-

шье назади подобрано, а подѣ рукою
треугольная шапка, у другихъ же напро-
шиву того волочится съ зади, и шапка
съ верьху чешвероугольная, а съ низу
круглая; но въ самомѣ дѣлѣ, развѣ по
уже не плашье и не шапка?

Между шѣмѣ, какѣ онѣ такимѣ об-
разомѣ разсуждалѣ, день началѣ укло-
няшьяся и ночь наступила; сѣе прину-
дило его просить о снраннопрѣимствѣ;
но какѣ онѣ не зналѣ шамошняго языка,
по всякѣ обѣ немѣ думалѣ, что гово-
рилѣ по Еврейски; по чему и почли его
за скрышнаго вора, и хошѣли было уже
шащить на сѣѣзжую, однако по ша-
снѣю его одинѣ философѣ возвращаясь
изѣ нѣкоего мѣста, гдѣ онѣ спорилѣ съ
другимѣ о врожденныхъ понятѣяхъ, про-
шелѣ мимо, и увидѣвъ его, взялъ съ со-
бою. Въ короткое время помощѣю Ака-
демическаго лексикона, научилѣ онѣ его,
сколько могѣ, шамошнему языку; и ког-
да *Ацемѣ* приобрѣлъ довольное уже обѣ
ономѣ свѣденѣе, по спросилѣ его фило-
софѣ, о чемѣ онѣ до сего времени мы-
слилѣ? О томѣ же, о чемѣ и вынѣ; ибо

всѣ ваши книги ничему новому меня не научили. А о чемъ вы теперь думаете, сказалъ философъ? О томъ ошвѣтспивовалъ *Ацель*, что между вашимъ просвѣщеннымъ и науками украшеннымъ разумомъ, и моимъ шмою невѣжесшва помраченнымъ, и только что изъ лѣсу вышедшимъ, различіе не столь велико, какъ вы себѣ воображаете. На примѣръ я всегда думалъ, что солнце вокругъ земли обращается, и сіе мнѣ чудно и удивительно казалось; вы же напрошиву того учите меня, что земля, слѣдователь-но и мы вершимся около ничего въ самой срединѣ пустошы. Сіе мнѣнїе кажется мнѣ просшѣе и ешесшвеннѣе, но не меньше чудно и не меньше удивительно: вошѣ какое различіе между вашимъ и моимъ разумомъ; но ни вы, ни я во вѣки не познаемъ, что есть солнце, земля, и мы сами. Вашъ разумъ, равно какъ и мой всегда будетъ заблуждаться, когда шокмо захочетъ сравнивать пылинку съ вселенною, безконечностію, вѣчностію и проч. Вошѣ вѣ чемъ уподобляемся мы другъ другу. Такое поняшїе

о подобіи вашего разума съ моимъ врождено ли мнѣ или нѣтъ, до того нѣтъ нужды; я шокмо заподлинно знаю, что чувства мои съ понятіемъ имѣютъ весьма малое соотвѣщеніе. Разговаривая такимъ образомъ повелѣ нашъ философъ *Ацема* въ театрѣ, гдѣ представляли тогда новаго сочиненія трагедію, въ которой нѣкая Царица беспокоясь чрезмѣрно о сынѣ своемъ, непрестанно проливала слезы: она опасалась, что бы сынъ ея, коего она принуждена была поручить въ попеченіе одному изъ своихъ подданныхъ, заказавъ объявлять ему о природѣ и достоинствѣ его, не впалъ бы въ руки убійцы, посягнувшаго на жизнь ея супруга, и что бы онъ для утвержденія себя на престолѣ, не лишилъ и его жизни. Молодой чужестранецъ жившій въ однихъ шокмо лѣсахъ подобно *Ацему*, приведенъ былъ предъ нее, и обвиненъ въ убіеніи ея сына; она спремится пронзить его кинжаломъ изъ собственныхъ своихъ рукъ; но вдругъ приходитъ человекъ и удерживаетъ ея руку; шотъ же, коего она смерти пре-

дашь хотѣла, былъ самой ея сынъ: по томъ приходитъ самъ злодѣй, удивляется, что ударъ не совершился, сомнѣвается о причинѣ удержавшей ее отъ сего намѣренія; но сомнѣніе его скоро исчезаетъ и онъ принуждаетъ Царицу вступить съ нимъ въ бракъ и обѣщываетъ признасть сына ея за своего роднаго; сынъ слѣдуетъ въ храмъ за ними, но для того токмо, что бы жертвеннымъ ножомъ поразить пирана и отмстить смерть своего родителя.

О небо! вскричалъ *Ацемъ*, по окончаніи представленія, что заставляетъ людей говорить такимъ образомъ, и въ кошоромъ краю свѣша обильно вливающее въ нихъ такія мысли существо? Всѣ съ восхищеніемъ похваляли сіе печальное позорище. Люди, коихъ называютъ оспроумными, собрались толпами, чтобы учинить на оное кришику; но то, чему одни удивлялись, другіе находили несноснымъ. *Ацемъ* сказалъ: о! сколь глупая шварь на свѣшѣ разумный человекъ, и отходя отсюда изъясвилъ чрезмѣрное желаніе видѣть сочи-

нишеля. Мы тебя къ нему поведемъ, сказали ему зрители, но прежде надобно знашь, что такое есть сочинитель, и для того, пойдемъ сперва къ славномъ живописцу. Они туда пошли, и *Ацемъ* не могъ довольно надивиться красотъ находившихся тамъ самой превосходнѣйшей работы картинъ; но примѣшивъ по томъ, что онъ безпорядочно разставлены были, и что въ иномъ мѣстѣ стояла Богоматерь подлѣ Венеры, въ другомъ изображеніе попопа съ изображеніемъ баснословныхъ исполиновъ; одна поставлена въ хорошихъ рамахъ и въ самомъ лучшемъ мѣстѣ, а другая брошена была на столѣ, *Ацемъ* спросилъ живописца, не такъ ли содержаніе сихъ картинъ расположено и въ его головѣ, и не такъ ли онъ и въ мысляхъ своихъ смѣшиваетъ исторію съ баснословіемъ и святыню со свѣтскими дѣлами? Удивленный его вопросомъ, не зналъ что на сіе отвѣтствовать. *Ацемъ* вышелъ отъ живописца, будучи весьма доволенъ работою его а не разумомъ. Вотъ, что есть сочинитель, сказалъ ему нашъ фи-

лософъ, который его ни на часъ не покидалъ; онъ есть такой человѣкъ, который съ жаромъ пишетъ, и смѣшиваетъ въ одномъ сочиненіи всевысочайшее существо съ баснословными богамъ, и который всѣ исторіи почитаетъ за сказки, а сказки сочиняетъ самъ вмѣсто истинныхъ повѣстей. Ахъ! сколь онъ несмысленъ, вскричалъ *Ацемъ*: нѣтъ, я уже его и видѣть болѣе не желаю. Опшуда пошли они въ одно изъ тѣхъ мѣстъ, куда люди всякаго званія, и шакіе, кои никакого не имѣютъ, собираются разсуждать о всѣхъ людяхъ, кои были, кои суть и кои впредь будутъ. Сіе шумное собраніе, раздѣлено было на разные большіе круги, окрестъ коихъ находились по сторонамъ другіе меньшіе. Въ каждомъ полчищѣ было по одному начальнику, которые спорили о всякомъ предмѣтѣ, о какомъ шокмо ихъ ни вопрошали. Тутъ ни о чемъ болѣе неговорили, какъ о божествѣ, о народахъ, о правленіяхъ, о законахъ, о войнѣ, о государственныхъ доходахъ, о торговлѣ, о наукахъ, о художествахъ и

сему подобномъ. Сперва невнятной шокмо шумъ, поразилъ ихъ слухъ; но подошедъ ближе, слышали они все, что тамъ ни было говорено. *Ацемъ* слушалъ съ великимъ вниманіемъ, какъ таковой человѣкъ, для коего все новымъ кажется, который желаетъ научиться, и старается разогнать сомнѣнія рождающіяся въ его душѣ и познать причину колеблющихъ оную чувствованій. Въ свѣтѣ находящаяся два рода философій: одна съ самаго начала представляетъ вещи разуму такъ, какъ будто бы оной всегда ихъ видѣлъ; а другая напрошиву того производитъ, что онъ всегда смошрѣлъ на вещи такъ, какъ будто бы въ первой разѣ оныя увидѣлъ. Сіи два рода философій, чувствами постигаемой и просвѣщаемой разсудкомъ, приводятъ разумъ на путь истинны; отсюда такъ же начинается и путь въ заблужденіе ведущій, а именно когда привычка на все взирать безъ размышленія, предразсужденіе и спрасши, сокрываютъ онъ него путь, коего онъ держаться долженъ. Въ таковомъ состояніи находился *Ацемъ*,

когда приблизился ко кругу знаній чело-
 вѣческихъ ; онѣ еще не былѣ ни на пу-
 ши истинны , ни на пуши заблужде-
 нія. Множество великихъ умовъ весь-
 ма сильно воспламененныхъ , уже из-
 давна не были между собою согласны , и
 спорили съ великимъ жаромъ о разныхъ
 предмѣсахъ. „Нѣтъ Бога, говорилъ одинъ
 изъ нихъ, а если бы онѣ и существо-
 валъ, то былъ бы несправедливъ ; все
 произвелъ случай. Огнь пополяетъ зем-
 лю и обращаетъ оную въ пепелъ ; наво-
 денія ее опустошаютъ , суровость воз-
 духа покрываетъ изпещренное чело-
 льдомъ, и обнаживъ ее разпространяетъ
 всюду по ней печаль и скуку , оспори-
 ваемую скопиною у челоѣка ; люди во-
 оруженные огнемъ и мечемъ презирая
 вѣтры, вихри и бури преплываютъ са-
 мые океаны, отъ одного полюса къ дру-
 гому, дабы шокмо обогреть землю кро-
 вью своего племени : живошное должно
 необходимо для сохраненія жизни своей
 и для подкрѣпленія бытія своего изпре-
 блять другія существа ; но челоѣкъ не-
 сравненно еще злополучнѣе ; ибо онѣ не

шюкмо не могъ бы наслаждашья долго-
временною жизнїю , но принужденъ бы
былъ при самомъ своемъ рожденїи оной
лишиться, если бы не убивалъ другихъ
животныхъ и не содиралъ съ нихъ кожи
для прикрытїя нагошы своего тѣла, и
если бы не покоился на ихъ волосахъ,
шерсти, перьяхъ и пухъ. Горделивыя
и возвѣщающїя величество и слабость
человѣческую зданїя, воздвигнушыя людь-
ми для защищенїя своего отъ сурово-
сти стихїй, споили великаго иждиве-
нїя и жизни многимъ несчастнымъ; дру-
гїе же для того шюкмо избѣгнули опа-
сности, что бы остатокъ плачевной
жизни своей провождашь въ мученїяхъ
и спраданїяхъ. Стихїи непрестанно
между собою борющїяся, животныя пи-
тающїяся плотию другихъ; люди другъ
друга убивающїе; злощасные въ прахъ
валяющїеся и ранами покрытые; бѣ-
дностїю и скорбїю въ крайнее унынїе
поверженные, мимо коихъ и самой же-
стокосерднѣйшїй человѣкъ безъ шрепета
и ужаса проходить не можетъ; все сїе
возвѣщаетъ раздраженнаго Бога, отъ

гнѣва коего спонешъ вся вселенная. Но чемъ же подвигнуть на гнѣвъ Богъ, долженствующій бытъ по необходимости самою благоспѣю? почто столь ужасныя бѣдствія, должны довершены бытъ еще большими. Почто младенецъ во упробѣ матерней умирающій, дикій во единыхъ токмо лѣсахъ обитающій, Индѣецъ, Турокъ, лжеполкователь вѣры, и прочіе, предадутся вѣчному наказанію, за непознаніе сотворшаго ихъ Бога? для чего не возможно его познать инако, какъ сквозь непоспѣжимыя таинства? почто разумъ нашъ съ толикимъ къ сему трудомъ склоняется? почто слабые наши очи столь трудно на свѣтъ взираютъ? почто грѣхопаденіе первобытнаго чловѣка причинило столь великую въ естествѣ премѣну? для чего? . . . Нѣкій остроумный философъ исполненный жара къ заблужденію и вымысламъ собравъ своихъ прервавъ его рѣчь, отвѣтствовалъ съ холодноспѣю: опытами доказано, что въ свѣтъ болѣе добра нежели зла, поштому что не много такихъ людей, кои бы себя желали смерти. Да

и все доказываетъ, если шокмо воззрѣшь
 безприспращнымъ окомъ на природу,
 что Богъ есть и Богъ правосудный; сло-
 во добро и благосостояніе суть двусмы-
 сленны; что худо въ разсужденіи тебя,
 что хорошо во устроеніи всеобщемъ: ес-
 ли волки пожираютъ овецъ и если пау-
 ки ловятъ мухъ, то не видишь ли, что
 сіи безпрерывно пожираемые и всегда
 вновь рождающіеся роды полезны въ
 союзѣ вселенныя; спашешь ли оприцать
 Бога для того, что ты былъ боленъ
 горячкою? Ты говоришь, что онъ дол-
 женъ пещися о швоемъ благосостояніи:
 какую ты имѣешь причину шакъ мы-
 слишь? по чему долженъ онъ устрое-
 вать швое благоденствіе? какой въ томъ
 онъ учинилъ съ тобою договоръ? ты
 самъ, когда вскармливашъ въ клевѣ
 скошину на убой, конечно не поже-
 лаешь, что бы тебя почиали за то
 злымъ; какъ же можешь укорять же-
 стокосшію Владыку всѣхъ живоп-
 ныхъ, кошорый сотворилъ ихъ для
 того, что бы каждое было сѣдено во
 свое время? Я ничего не стану говорить

о томъ, что Американцы и древняго свѣта народы, каковы на прим. Арапы и Японцы не отъ одного происходятъ чело-
 вѣка; внутреннее устройство чувствен-
 ныхъ орудій въ Арапѣ, служишь сему
 убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ.
 Но когда ты уповаешь наслаждаться
 блаженствомъ въ продолженіе цѣлыя
 вѣчности, всѣ несчастія сей скоротеч-
 ной жизнию называемой минушы, спо-
 яшь ли того, что бы объ нихъ и гово-
 ришь. Разумъ удосповѣряешь насъ,
 что Богъ есть, но что бы постигнуть,
 что онъ есть, что творить и на какой
 конецъ, то думаю, должно быть имъ
 самимъ. Въ прочемъ мало въ томъ нуж-
 ды, подъ какимъ именемъ смершныя на
 помощь его ни призывають. *Бонза и Дер-*
вишъ оба равномѣрно Справедли-
 во, и я то же утверждаю, отъвѣтство-
 валъ другой мудрецъ; скошы же не толь-
 ко, какъ ты думаешь, простыя и хоро-
 шо составленныя машины, но на проти-
 ву того имъ не достаешь единого ток-
 мо слова, дабы возъимѣшь надъ нами
 преимущество. Да и въ самомъ дѣлѣ

они имѣютъ волю заставляющую ихъ любить одну вещь болѣе другой, такъ же имѣютъ память, разсудокъ и спра-
спы ; они чувствуютъ кротость, ми-
лосць, благодарность, гнѣвъ, ярость,
мщеніе и лютость; они надменны и гор-
ды, смиренны и униженны; они одарены
чувствами, кои совершеннѣе нашихъ,
и явили намъ первыя понятія о художе-
ствахъ и знаніяхъ, нужныхъ для сохра-
ненія нашего бытія, и они имѣютъ до-
статочное понятіе о разумѣ, сердцѣ и
спрастяхъ человѣка, какъ для того,
что бы быть ему полезнымъ и при-
обрѣтать его къ себѣ любовь, такъ и по-
тому, что бы его спрашиться и убѣ-
гать. Наконецъ человѣкъ, самой коры-
сполюбивѣйшій изъ всѣхъ животныхъ,
одинъ только бываетъ иногда столько
ослѣпленъ, что не видитъ собствен-
ныхъ своихъ выгодъ, и одинъ токмо онъ
лишается иногда совсемъ разума своего;
все сіе не доказываетъ ли, что различіе
между скопомъ и человѣкомъ не велико,
и если бы человѣкъ имѣлъ роги на головѣ
и когти на рукахъ и на ногахъ, то бы онъ

былъ самою свирѣпѣйшею тварею изъ
 всѣхъ живопныхъ. Хотя любовь ко бла-
 гоуспроисхвѣ, правосудію и добродѣ-
 шели ни мало непричастная личному
 корыстолюбію, такъ же сильныя стра-
 сти человека ко всему тому, что касает-
 ся до его сердца и чувствъ и что возвы-
 шаетъ душу его превыше ея самой, мо-
 гутъ по истиннѣ его нѣсколько отъ
 нихъ отлучить; но слѣдствія изъ все-
 го сего подобны той чести, коею наслаж-
 дался Кандидъ будучи за однимъ столомъ
 съ шестью сверженными съ престола
 Королями въ наилучшемъ свѣтѣ. Тако-
 выя малости не заслуживаютъ нашего
 вниманія; ибо онѣ суть такія тайныя,
 кои токмо постигнушы въ замыслова-
 ныхъ, но не понятныхъ Плапоновыхъ
 бредняхъ, пошому что одинакія дѣй-
 ствія могутъ попеременно называться
 добродѣтельными и порочными, и что
 добродѣтель должна подвержена быть
 переменамъ измѣняющимъ видъ и самыхъ
 монархій; и въ слѣдствіе сего правила
 воровству надлежало быть въ чести у
 Спартаксовъ, такъ, какъ оно и нынѣ

не въ презрѣнїи въ царствѣ Конго. Не худо было бы упомянуть еще о живошныхъ, что онѣ какъ чиняшъ убійства, хищеніе и грабительства безъ злаго умысла и безъ раскаянїя, такъ точно и благодѣянїе творяшъ безъ добродѣтели, но по одной токмо склонности, чувствованію и естественному побужденію; однако сїе примѣчанїе теперь еще бесполезно; ибо нѣкошорый человекъ весьма проникнувшій свойство сердець человѣческихъ, а другїй изъяснившій намъ свойство разума, полагая, что разсужденіе есть не иное что, какъ чувствованіе, и что ошмѣнный даръ, коимъ иной человекъ украшенъ бываетъ, раждается въ немъ отъ обстоятельствъ, въ коихъ онъ находился и проч. примѣшили, что человекъ все, что ни дѣлаешъ, дѣлаешъ по одному самолюбію и что оное есть начало и причина всѣхъ дѣйствїй; ибо изъ самолюбія токмо и по отношенію всего къ самому себѣ, человекъ бываетъ жестокосердъ и чувствительнъ, щедръ и корыстолюбивъ, униженъ и покоренъ. Единственно по са-

молюбію чловѣкъ съ великимъ спарані-
 емъ ищетъ почтенія и дружества дру-
 гихъ людей, и по самолюбію ихъ убѣ-
 гаешъ; на конецъ по самолюбію спра-
 шится онъ смерти, и по самолюбію
 оную презираешъ. Не душа разумомъ
 худо или хорошо управляется, но ра-
 зумъ слѣдуетъ движеніямъ души, или
 лучше сказать, въ томъ не имѣешъ
 и никакого участія. Не по чувствован-
 нію чловѣколюбія, разумный и чувст-
 вительный чловѣкъ дѣйствительно бы-
 ваетъ пронунъ несчастіями себѣ по-
 добнаго, и бѣдствія его относитъ не
 шокмо къ самому себѣ, но и ко всѣмъ
 людямъ вообще; не общественная любовь
 заставляешъ его размышлать, но одно
 шокмо особое самолюбіе и внутрен-
 нее побужденіе. „О небо! вскричалъ
 Ацемъ, какія ужасныя мнѣнія? какія про-
 шиворѣчія! какое безуміе! какія нелѣпо-
 сти! какія спрашныя слѣдствія спра-
 ведливѣйшихъ разсужденій! какія лжи-
 выя, слабыя и смѣшныя разсужденія!
 сколь онѣ не достойны, что бы ихъ
 опровергать! сколь заблуждаешся чело-

вѣческой разумѣ, когда похочетъ раз-
мышлять о вещахъ понятіе его превы-
шающихъ! Далѣе видны были два физи-
ки спорящіе о существованіи полноты
и пустоты. „Правда ли, говорилъ одинъ,
что два шѣла могутъ дѣйствовать од-
но на другое и не припритываясь давить
другъ друга, и что онѣ могутъ въ одно
время припритывать и отражать себя
взаимно, безъ всякаго между собою со-
общенія? Вѣроятно ли, опровергивалъ
другой, что всѣ шѣла одному закону
подверженныя, не могутъ быть приве-
дены въ движеніе безъ непосредствен-
наго прикосновенія? Возможно ли, ска-
залъ Картезіанецъ, что бы было въ под-
солнечной, какое ни есть мѣсто совер-
шенно пустое; что бы небесныя шѣла
плавали въ ничтожествѣ; что бы части-
цы вещества раздѣлены были простран-
ствомъ ничтожества, и что бы между
частичками, изъ коихъ составляются воз-
душные шарики, и огненнымъ веществ-
вомъ, которое еще не извѣстно, нахо-
дились междумѣстія совершенно пу-
стыя, и въ коихъ бы совсемъ ничего не

было? Проникнулъ ли кто въ свойство
 ничтожества или пустоши сноль же
 непоспимой какъ и безконечность,
 вѣчность и высочайшее существо? Всѣ
 изслѣдованія самыхъ остроумнѣйшихъ
 мужей были въ семъ случаѣ тщетны, и
 кажется, что все сѣ индѣ не можетъ
 имѣть мѣста, какъ шокмо за предѣла-
 ми вселенныя. Чрезъ пустоту разумѣ-
 емъ мы, ошвѣщствовалъ Невтоніанецъ,
 нѣчто большее нежели ничто, однако
 же ошнюдъ не вещество и не совершен-
 ное ничтожество, инако чистымъ про-
 странствомъ именуемое, среди коего
 движущая всѣ тѣла. Но какая та вещь,
 сказалъ Картезіанецъ, которая совсемъ
 недействуетъ на тѣла ея окружаемая
 и онымъ не сопротивляется, и коей онъ
 равномерно не сопротивляется, дабы не
 пресѣчь чрезъ то своего теченія? Не
 должно ли назвать ничтожествомъ ту
 вещь, которая кромѣ пространства и
 пустоши, никакого свойства болѣе въ
 себѣ не заключаетъ? Пространство чи-
 стое или пустоша и ничтожество суть
 равно не удобопонятны; да и можно ли
 найти различіе между двумя совсемъ

чувствамъ нашимъ неподлежащими вещь-
ми? Частица самая малѣйшая, какую
покромо себѣ представить можно, соста-
влена изъ безконечнаго множества дру-
гихъ частей, изъ коихъ каждая можетъ
еще дѣлиться до безконечности; и въ
семъ случаѣ разумъ далѣе простирается
нежели воображеніе, но путь долженъ
оной уже и остановиться и отнюдь не
сильнѣе тщетно изслѣдовать свой-
ство ничтожества, пустоты, чистаго
пространства и тому подобнаго. Если
одна частица вещества недѣлима до
безконечности, то вещество есть без-
конечно, сказалъ Невтоніанецъ. Если
есть одна недѣлимая частица, оп-
равдывалъ Картезіанецъ, то она
непремѣнно есть существо единое, чи-
стое, простое и неизмѣняющееся; и
въ семъ случаѣ вещество долженству-
етъ конечно бытъ вѣчно. Какъ, вскри-
чалъ Ацемъ, люди несогласны еще о
свойствѣ и существѣ одной песчинки, а
хотящѣ познать существо души тѣль,
и стремящѣ постигнуть существо са-
мого Бога! Справедливо удивляешься ны

Ацемъ, отвѣтствовалъ другой фило-
 софъ, выступя изъ круга, прошиворѣ-
 чіямъ мудрецовъ; но со временемъ бу-
 дешъ ты обьятъ большимъ еще удивле-
 ніемъ. Весь сей міръ столь наполненъ
 прошиворѣчіями, что ужасаться дол-
 жно, если шокмо посмотришь прилѣ-
 жно на людей оной населяющихъ. Въ
 нравственномъ мірѣ находятся шакіе же
 вихри и круги, какіе и въ веществен-
 номъ. Всѣ люди безспорно населяютъ од-
 ну землю, но не одинъ міръ. Въ Пари-
 жѣ, въ Лондонѣ, въ Римѣ, въ Конспан-
 тинополѣ, въ Пекинѣ и въ прочихъ мѣ-
 стахъ не одинъ міръ, но всюду разли-
 ченъ. Въ Петербургѣ не шотъ міръ,
 которой въ Москвѣ; въ городѣ не шотъ,
 которой въ предмѣстїи, а въ предмѣ-
 стїи не шотъ, которой въ деревнѣ.
 Каждой изъ сихъ міровъ имѣетъ безчи-
 сленное множество законовъ, нравовъ и
 обычаевъ разныхъ, коимъ оной большею
 частію слѣдуетъ по единому шокмо
 предубѣжденію. Въ ученомъ свѣтѣ есть
 нѣкто славный мужъ, трудившійся въ
 изданїи великаго и весьма важнаго сочи-

ненія, и странствовавшій двадцать лѣтъ для того токмо, что бы постигнуть смыслъ разныхъ народовъ. Иные говорятъ, что онъ ошибся, другіе недоумѣваютъ, кто правѣ изъ нихъ, сочинитель или кришики, и всѣ въ томъ токмо согласны, что онъ былъ мужъ ошмѣннаго разума; однако же въ свѣтъ истинна одна, правосудіе единое, красота одна и хорошій вкусъ всюду одинъ.

Слѣпое суевѣріе, коего жертвенники всегда кровію обогрѣны были, невѣжество и заблужденіе не суть еще величайшія бѣдствія человѣчеству поражающія; истинна научающая человѣка познавать самого себя, науки показующія предѣлы его разума и малое пространство его знаній, письменное и художества очищающія его вкусъ и раждающія въ немъ новыя желанія, коихъ всѣ напряженія искусства и купно естества удовольствоваться не могутъ, ни къ чему болѣе не служатъ, какъ токмо ко усугубленію его злополучія. Онъ раждаютъ въ немъ презрѣніе ко всему тому, что очамъ его кажется несовершеннымъ, дѣлаютъ самое его бытіе тягостнымъ

и заспавляющѣ его убѣгающѣ свѣта, не смотря на то, что онѣ болѣе всякаго другаго человѣка не навидишѣ уединенія, по тому что онѣ лучше чувствуюшѣ дѣлу хорошаго общесства; и разумѣ необходимо долженѣ напрягающѣ всѣ свои силы, что бы не впасшѣ въ заблужденіе и не ослѣпишѣся мечтаніемѣ. Однако же человѣкѣ не для того рожденѣ, что бы пребывать въ заблужденіи, но дабы знашѣ, любилѣ и почиталѣ истинну и возбуждалѣ въ другихѣ къ оной такія же чувствія.

Человѣкѣ есть нѣчто сложенное изѣ всѣхѣ противоборствующихѣ между собою свойствѣ: онѣ свирѣпѣе всѣхѣ звѣрей; ибо волки не пожирающѣ волковѣ, ни шигры шигровѣ, а человѣкѣ не однократно пилася плотию человѣческою; но онѣ и чувствительнѣе всѣхѣ животныхѣ, кои имѣющѣ чрезмѣрную горячность токмо къ дѣшамѣ своимѣ, а къ другимѣ животнымѣ своего рода ничего не чувствуютѣ кромѣ безприсрастія, къ инороднымѣ же являютѣ лютость, **выключая собаку, которая остается**

преданною человѣку, который одинъ по-
мо ощущаетъ въ себѣ жалость ко вся-
кой дышущей пвари. Далекія путеше-
ствія, знакомство со значными особа-
ми, обхожденіе съ женщинами и разнаго
званія людьми, науки, изящныя письма
и художества повреждая его сердце, об-
разуютъ его разумъ, который по есте-
ству своему не что иное есть, какъ за-
блужденіе и мечтаніе, по тому что до-
бродѣтель производитъ отъ гордости
и тщеславія, а красота и пріятности
раждаются отъ роскоши. Однако же че-
ловѣкъ не съ тѣмъ рожденъ, что бы
жилъ во уединеніи, скипаться въ лѣ-
сахъ, перескакивать по деревьямъ съ сука
на сукъ, дабы избавишься отъ лютыхъ
звѣрей, какъ то утверждаетъ гражда-
нинъ Женевскій. Самый дикій человѣкъ
имѣетъ лукъ и стрѣлы для убіенія звѣ-
рей, поелику природа не дала ему че-
тырехъ ногъ для бѣганія и двухъ крылъ
для лешанія. Онъ имѣетъ шалашь для
жилища и звѣриную кожу для прикры-
тія своея наготы для того, что одинъ онъ
есть въ естествѣ такое животное, ко-

ему воздушныя перемѣны вредъ наносишь могущъ; и ему всегда необходимо нужно имѣть съ собою товарища для того, что изъ всѣхъ животныхъ одинъ токмо онъ не можешь самъ себя доставать всего того, въ чемъ онъ имѣетъ нужду, и первая его нужда состоитъ въ общежитіи.

Слѣпое его сердце въ стремленіяхъ своихъ обуреваемъ имъ безпрестанно, если онъ не бываетъ предводительствуемъ и просвѣщаемъ разумомъ, которой такъ же ни къ чему болѣе ему не служишь, кромѣ токмо къ низверженію его изъ единой бездны въ другую. Онъ обрѣтая истинну, не можешь на нее безъ поврежденія очей своихъ смотрѣть, пошому что она или разгоняетъ мечтаніе блаженство его составляющее, или показываетъ ему предѣлы, гдѣ должны остановиться любопытные его взоры.

Онъ ищетъ счастія, но безпрестанно отъ онаго удаляется, и зная что оное умножается по мѣрѣ содѣйствія своего на общество, предпріемлетъ ис-

кашъ онаго въ независимости. Но съ того времени, какъ независимость водворилась въ міръ и начала обладать людьми, счастіе на вѣки исчезло. Римская Республика, въ копорой духъ независимости болѣе владычествовалъ, нежели въ другихъ мѣстахъ, должна была необходимо подвержена быть раздорамъ, мяшежамъ и междоусобнымъ бранямъ. Въ самовласныхъ государствахъ управляемыхъ волею, своенравіемъ и прихотями единого человѣка, и гдѣ оппчаяніе приводитъ людей на шакія дѣла, на какія и самая дерзость не всегда устремляется, владѣтель и его подданные безпрестанно смущаемые ожиданіемъ самой незапной смерти, должны препровождать жизнь исполненную страха и горести. Счастіе произтекаетъ ни отъ независимости, ни отъ жизни препровождаемой въ работѣ, страхѣ, безпокойствѣ и смущеніи. Люди принуждены будучи жить въ союзѣ общественномъ и зависѣть не токмо другъ отъ друга, но и отъ всего, что ихъ окружаетъ, не могутъ быть блаженны, если

не будутъ соединены благодареніемъ и благодарностію, и счастье ихъ бываетъ всегда соразмѣрно союзу сихъ двухъ гражданскихъ добродѣтелей. Взаимныя наши обиды и благошворенія, рождаютъ въ насъ нужду имѣть друга для раздѣленія съ нимъ какъ счастья своего и радости такъ и самой печали. Человѣкъ рожденъ для того, что бы быть другому подвластнымъ. — Когда онъ дерзнетъ отрицать божество, то тщетно искать будетъ уже спокойствія и тишины въ нѣдрахъ уединенія. Слабое счастье, коимъ уповаетъ онъ наслаждаться, бываетъ тогда подвержено всѣмъ переменамъ бурныхъ стихій, различнымъ впечатлѣніямъ предмѣтовъ поражающихъ его взоры, и всѣмъ превращамъ суроваго естества. Онъ погружается въ уныніе и задумчивость во время мрачной и ненастной погоды; да и въ самой ясной день та же тѣньность мѣшаетъ его духъ; онъ унываетъ среди дремучаго лѣса и скучаетъ такъ же въ пріятныхъ поляхъ. Онъ чаеъ жить какъ философъ, но не имѣетъ и столько жизни, какъ на-

саженное имъ расшѣнїе, и опасаясь быть игралищемъ людей, бываешь игралищемъ природы.

Единоначальное правленіе, какъ самое разумнѣйшее и кротчайшее, есть то, которое могло бы наиболѣе споспѣшествовать благоденствію народовъ, если шокмо оныя щасливы бышь могутъ безъ добродѣтели. Въ республикѣ страхъ всегда предстоить глазамъ среди самыя глубокія шишины, что бы не подпастъ игу мятежника; въ самовластномъ же государствѣ страхъ казни, а въ единоначальномъ правленіи страхъ безславія занимають мѣсто всѣхъ добродѣтелей. Въ семъ послѣднемъ правленіи честь есть драгоцѣннѣйшее для гражданъ сокровище, коему они и самую жизнь предпочитаютъ; да она содѣлалась и дѣйствительно самымъ нужнѣйшимъ приобрѣщеніемъ въ свѣтѣ съ того времени, какъ изгнана и забыта добродѣтель; но честь есть такъ же и шуть источникомъ безконечныхъ развратовъ.

Въ то время, когда благосостояніе государствъ зависѣло отъ единого оружія, когда всѣ чины гражданскіе составляли одни шокмо рабы, невольники и земледѣльцы, коимъ не позволено было ходить на войну по причинѣ низкаго ихъ состоянія, тогда вся честь состояла единственно въ дворянскомъ достоинствѣ. Прежде, нежели Государи возымѣли одни шокмо право набирать войско и вести войну, владѣтели почитали за честь принимать самолично, а не чрезъ другихъ присягу въ вѣрности отъ всѣхъ своихъ подданныхъ, стоявшихъ предъ ними на колѣняхъ съ открытыми главами и безъ всякаго оружія. Прежде, нежели войска составлены были купно изъ знатныхъ и просныхъ, почитали знатность, за отменное достоинство. Когда народъ обременяемъ былъ поземельными налогами, нынѣ ничего почти незначущими, но въ то время достачествовавшими для военныхъ расходовъ, право къ возложенію дани было весьма почитательнымъ. Когда храбрые рыцари снранствовали по свѣшу и оп-

мщевали обиды, и когда неуспрашанные бойцы рѣшали справедливоспъ своея ссоры поединкомъ, тогда вмѣняемо было за подлоспъ не оправдаспъ себя смерпю своего соперника; но нынѣ по единому шокмо предразсужденію сопряжены во всѣхъ сихъ случаяхъ честпъ или безчестпѣ. Такимъ образомъ законы, обычаи, нравы и обряды перемѣняюща; одно шокмо принятое людьми мнѣніе и предразсужденіе закоснѣвающъ въ разумѣ человѣческомъ, не смотря на уничтоженіе причинъ оныя произведшихъ.

Всѣ сіи оспашки древняго правленія ни къ чему болѣе не служатъ, кромѣ шокмо къ воспоминовенію ко спыду человѣческаго шѣхъ варварскихъ временъ, когда сила соспавляла весь законъ, ошъ коего и нынѣшніе всѣ произпекающъ. — Римляне упомиавшісь посягащъ на жизнь другъ друга за дубовой желудокъ, за дерево, за оленя, за пшицу, словомъ, за всякую бездѣлицу, соединились въ общество и такимъ образомъ умножили свои силы. Они безъ шруда уже тогда поражали разсѣянныя народныя толпы

и содѣлались власпелинами и полными
 обладашелями весьма обширныя спраны.
 Они избрали себѣ мѣсто, обнесли оное
 оградою и раздѣлили поровну между со-
 бою земли, подававшія имѣ не однократ-
 но поводѣ къ междоусобіямъ. Они при-
 гласили сосѣдей своихъ съ женами на
 пиршество, по окончаніи коего выгнали
 мужей, а женѣ ихъ удержали. Они ум-
 ножились, возвысились, завоевали мно-
 гія мѣста и покорили побѣдителей Азіи,
 Грековъ, и скоро разпроспранили власшь
 свою надѣ цѣлымъ почти свѣтомъ. По-
 томъ не имѣя болѣе кого побѣждать,
 позабыли пользу Республики ради своей
 собственнѣйшей, и личныя ихъ выгоды пред-
 почтенныя обществѣннымъ, изтребивъ
 изъ мыслей ихъ честь, возбудили свѣр-
 ныхъ обидѣтелей не менѣе ихъ о поль-
 зѣ своей пекущихся, но гораздо силь-
 нѣйшихъ и мужественнѣйшихъ, устре-
 мишься на разрушеніе ихъ государства,
 на развалинахъ коего воздвигнули они
 многія другія. Побѣдители сіи раздѣлили
 между собою завоеванныя у нихъ земли
 совсемъ инымъ образомъ. Тамъ и доселѣ

еще одинъ токмо Государь собственно владѣлъ землями, а подданные временно оными пользуются. Въ Европѣ же мало по малу отступила верховная власнѣ отъ своихъ правъ, позволивъ сперва дѣшамъ наследовашъ отцовскими землями, по томъ прощивъ свойственниковъ, а на конецъ предоставила свободу и постороннимъ покупать у владѣльцовъ родовыя земли; но Государи не иначе отпреклись отъ сихъ правъ, какъ съ тѣмъ, что бы новые помѣщики до вступленія во владѣніе покупаемыхъ ими земель, предварительно въ главномъ правительствѣ позволенія на то просили. Скоро послѣ того даровали вольность земледѣльцамъ и невольникамъ, то есть, что они престоли бытъ рабами подданныхъ своего государя, но всегда пребывали рабами государства до самого того времени, пока наконецъ трудолюбіемъ, дарованіями и торговлею своею достигли до того, что по очереди стали господами господъ своихъ. — Вотъ начало, происхожденіе и сила всѣхъ законовъ человѣческихъ.

Если заблужденіе произвело всѣ сѣи законы, то оное есть такъ же по большой части причиною ихъ продолженія, премѣненія, оказываемаго къ нимъ уваженія и негодованія. У Кишайцовъ на примѣръ, коимъ не извѣстна самая главная добродѣтель, то есть, справедливость, и у коихъ правосудіе держишь въ рукѣ шрое вѣсовъ, двое для того, что бы обманывать, а шрешія, дабы не быть обманути, по необходимости надлежало поощрять людей къ добродѣтели надеждою награжденія, которое само собою разрушаетъ уже всякую добродѣтель. Во всѣ времена гражданскіе законы касающіися до браковъ, наслѣдствъ, завѣщаній и проч. перемѣнялись. У Грековъ законы Аѳинскіе не были сходны съ законами Лакедемонскими, по тому что законы не суть государственныя, но законы опцовъ нашихъ; и мы оныя по произволению можемъ такъ же перемѣнять въ пользу дѣшей и потомковъ нашихъ. Чудишься же, что законы не вездѣ одинаковы, есть то же самое, что и удивляешься, для чего не всѣ государ-

схва имѣютъ одинакій образъ правленія.

Но гдѣ примѣшна столь великая противоположность разума человѣческаго, какъ во удивительной перемѣнѣ нравовъ человѣческихъ въ каждомъ вѣкѣ? Послѣдній предъ симъ вѣкѣ былъ вѣкъ великихъ дѣяній, великихъ спрасей, великихъ слабостей и пр. нынѣшній же на прошиву того есть вѣкъ маленькихъ слабостей, маленькія любви, маленькія дружбы, маленькаго презрѣнія, маленькихъ вещицъ и пр. будучи преклоненъ къ изрядному, пріятному и нѣжному, но не къ хорошему и любитъ вкусъ, а не разсудокъ. „Ацемъ не инако ошвѣщствовалъ и на сію долгую рѣчь, какъ и на другія, то есть, съ восклицаніемъ говоря, что это за свѣтъ, когда здравой разсудокъ, добродѣшель, истинна и блаженство столь во ономъ рѣдки? Но томъ слышалъ онъ въ другомъ мѣстѣ разговоръ еще страннѣе. Два комедіанта бывшіе купно философы, стихотворцы и музыканты, спорили одинъ противъ другаго о томъ, сколь опасно для нравовъ ходить въ театръ во вре-

мя представленія шутъ и гришъ. Ахъ! нѣтъ государь мой, говорилъ одинъ изъ нихъ, мы не виновны, успокой мѣстующую свою совѣсть; правда, мы представляемъ иногда людей гораздо хужеими, нежели они въ самомъ дѣлѣ, однако никто никогда и не помышлялъ насъ за то обвинять. Скажи пожалуй, какое зло видишь трагедію, коея цѣль есть та, что бы возбудить въ сердцахъ ужасъ ко преступленіямъ, любовь къ добродѣтели, жалость къ ироямъ, влекомымъ собственными своими слабостями въ несчастіе, и на конецъ, что бы подкрѣплять въ сердцахъ чувствованіе повседневно нынѣ отъ обращенія нашего угасающее, то есть, чувствованіе челоѡколюбія? Какое зло видишь комедію, коея цѣль есть представлять не достойныя и смѣшныя дѣйствія самолюбія, дабы исправить насъ самолюбіемъ гораздо разумнѣйшимъ и смѣхомъ посмѣянія? Предосудительнo ли ходишь на зрѣлище, коего цѣль состоить въ показаніи намъ должностей общественныхъ? Инако опасно

бы было являться и въ свѣтѣ, коего
 обращеніе можешь быть такъ же вред-
 но. Если вредны зрѣлища или для того,
 что тамъ видны прелестныя красави-
 цы и что нѣжныя и пріятныя ихъ тан-
 цы воспаменяють сердца къ любо-
 спраснью, или для того, что тамъ
 живо изображаются умоначертаніе и
 страсти, или на конецъ для того, что
 наилучшія театральныя представленія
 научая добродѣтели, ославляютъ въ
 сердцахъ начертаніе порока; то вредно
 такъ же ходить на гульбища, быть въ
 собраніяхъ и читать исторіи. Если
 опасно взираешь на изображеніе нравовъ,
 то несравненно опаснѣе смотрѣть на
 самые нравы споль развращенные; и
 если вообще вредно жить въ свѣтѣ, то
 непременно должно удалиться въ глу-
 хія и необитаемыя мѣста. Конечно
 такъ, опѣвшествовалъ другой; но сего
 еще недовольно: люди были бы блажен-
 нѣе, если бы не токмо не жили въ со-
 обществѣ, но и совсемъ бы не говорили;
 ибо нѣкопорый знамениый и весьма
 извѣстный сочинитель утверждаетъ,

что всё бѣдствія вступили въ свѣтъ
 купно съ словомъ. Что же, говорилъ
 другой, развѣ они блаженнѣе бы были,
 если бы шокмо пѣли, а ошнюдъ ничего
 не говорили, поелику они подобно всѣмъ
 прошчимъ живошнымъ, изъясняющъ чув-
 ства свои ошъ самаго рожденія радо-
 стнымъ или печальнымъ восклицаніемъ.
 Ошибаешься, любезный другъ, ошвѣш-
 ствовалъ первый, они шакъ же не дол-
 жны пѣшь, какъ и говорить; ибо пѣ-
 ніе ешъ искусство, а всякое искусство
 развращаетъ нравы и вредишъ щасію.
 По томъ подступя къ нимъ одинъ изъ
 слышателей, сказалъ обоимъ имъ: какъ
 государи мои! вы осмѣливаетесь пори-
 цать самой прекрасной, самой рѣдкой
 и самой драгоцѣннѣйшій даръ, коимъ
 шокмо природа людей наградила, ша-
 кой даръ, которой ихъ соединилъ и до-
 ставилъ имъ шолико чрезъ шо выгодъ
 и пріятностей, коими они могли бы
 всегда наслаждаться, если бы шокмо
 оныхъ во зло не употребляли. Ацемъ,
 выслушавъ всё словопрѣнія съ край-
 нимъ удивленіемъ, началъ искашь фи-

лософа, который до тѣхъ поръ въ свѣтѣ ему руководствовалъ, и нашедъ привелъ его въ то мѣсто, гдѣ слышалъ онъ разговоры о столь различныхъ предметахъ; но философъ заспорившись туть съ великимъ жаромъ, со всемъ зямѣшался въ собраніи. *Ацель* тщетно его вездѣ искалъ и вышелъ потомъ одинъ, не зная, куда ийти. Ночью, когда онъ шатался нѣсколько часовъ, попалъ на него разбойникъ, который приспавя къ груди его пистолетъ, требовалъ кошелька, и въ случаѣ противоборства хотѣлъ его убишь. Ахъ! жестокой, въ чемъ я преступилъ предъ тобою, вскричалъ *Ацель*, что я у тебя похищилъ, что хочешь лишишь меня жизни? Ты пребуешь кошелька, коего у меня вовсе нѣтъ, да я и не знаю, что оной значить, а если бы и былъ, то по какому праву смѣешь ты у меня онаго требовать? Ты жестокосердѣйшій всѣхъ людей на свѣтѣ. Нѣтъ, ошвѣщствовалъ ему разбойникъ, я съ жалостію у тебя онаго спрашиваю, необходимость меня къ тому понуждаетъ;

я рожденъ ошѣ такихъ родителей, которые никогда ни на одну ступень земли у себя не имѣли: они выучили меня ремеслу, что бы я могъ пропитать жизнь свою; но обстоятельство времени сдѣлало оное для меня безпольнымъ и меня самая крайность принудила приняться за разбойничество. Правда, я могъ бы вступить въ службу своего Государя, который имѣешь нужду въ людяхъ; но у меня есть жена и дѣти, коихъ никакъ не могу оставить. Если такъ? сказалъ *Ацемъ*, то я о тебѣ весьма сожалею; однако ни чѣмъ пособить не въ силахъ, будучи несравненно тебя несчастливѣе. Ты видишь, что я приспанища не имѣю и . . . Но разбойникъ прежде окончанія его разговора, услышавъ вдали попошѣ лошадиной, устремился бѣжать изъ вся силы. *Ацемъ* шагался до самаго свѣша; на разсвѣтѣ же примѣшивъ, что онъ вышелъ уже за городъ, и увидя въ полѣ нѣсколько бѣгущихъ зайцовъ, схватилъ камень, за неимѣніемъ при себѣ ни лука, ни ружья, ни собакъ, и лишь только

хотѣлъ онымъ на нихъ бросишь, какъ вдругъ подбѣжалъ къ нему человекъ и грозно спалъ ему говоришь: что ты дѣлаешь? развѣ хочешь, что бы тебя посадили въ тюрьму? Ты конечно не знаешь, что въ нашей землѣ не только тебѣ не позволено убивать живошныхъ, коихъ природа произвела для всѣхъ людей, но и самъ господинъ не можетъ ходишь на звѣриную ловлю въ своихъ помѣстьяхъ, если оныя не опдалены на двадцать или тридцать верстъ отъ Государевыхъ земель. Для чего же ты насмѣхаешься, опвѣстшвовалъ ему *Ацемъ*, самому разумнѣйшему изъ всѣхъ вашихъ законовъ и первому, какъ слышу, копорой изданъ на земли для воздержанія людей отъ убіенія другъ друга? Я не знаю, говорилъ шотъ ему, разумной ли сей законъ или нѣтъ, но знаю, что если бы онаго не было, то можетъ быть я не захотѣлъ бы посягнуть въ сію ночь на твою жизнь; узналъ ли ты меня? Однако пойдемъ со мною, я тебѣ покажу источникъ всѣхъ нашихъ бѣдъ-свѣй. Чрезъ нѣсколько часовъ пришли

они въ городъ и *Ацемъ* увидѣвъ на одномъ дворѣ множество людей разхаживающихъ и держащихъ въ рукахъ бумаги, захопѣлъ о томъ полюбопытствовать. Тамъ лежало въ одномъ углу множество разныхъ вещей, а въ другомъ стоялъ человѣкъ, который облокотясь на столъ и повѣсивъ внизъ голову, казался погруженъ въ великую задумчивость. *Ацемъ* подступилъ къ нему и желая знать причину его печали, спросилъ его, что то за мѣсто, въ которомъ онъ столько печалился, а другіе на прошиву того столько радости на лицахъ своихъ являющъ? Самая сія радость, ошвѣщивалаъ ему томъ, есть причиною слезъ моихъ; меня понуждающъ ѣхать въ армію, но какъ я не имѣю денегъ, то пришелъ сюда продать за безцѣнокъ остатокъ имѣнія полученнаго мною въ наслѣдство отъ предковъ моихъ; мѣсто, которое вы здѣсь видите, и которое кажется ново глазамъ вашимъ, называется *Биржою*: сюда съ того времени, какъ люди согласились не показывать безъ денегъ

другъ другу услугъ чловѣчества, приходящъ разные шоргачи, возвышащъ щастіе свое на разореніи другихъ и низвергащъ народъ въ ужасныя бѣдствія. Не въ однихъ шокмо воинскихъ спанахъ бѣдностъ не разлѣчна съ богатствомъ и не на однихъ шокмо сраженіяхъ замѣшательство, безпорядокъ и смяшеніе въ спрояхъ бываешъ; сіе самое и въ городахъ происходитъ. Напрасно, сказалъ ему вопреки тамъ другой, вопіешъ ты противу щастія въ самомъ его храмѣ, тебѣ здѣсь никто слушать не спанешъ, да и дѣльно: щастіе своенравно и слѣдовать его своенравію не что иное ешъ, какъ дѣйствовать по порядку вещей, а иначе поступашъ, значишъ не бышъ разумнымъ; люди произведены для того, что бы подобно *Александру* умирали, держа въ рукахъ и мечъ и чашу. Ахъ! Боже мой, вскричалъ *Ацемъ*, какой эшо народъ, который не спрашившѣ бышъ собственнымъ виновникомъ бѣдствій влекущихъ его къ паденію? „Оштуда пошли они на гульбище. Тамъ спросилъ *Ацемъ*, что шопъ за

человѣкъ, который едва ходить можешь, а въ прочемъ совсемъ кажется здоровъ? Онъ изъ числа тѣхъ самыхъ людей, отвѣтствовалъ ему его спутникъ, которыхъ ты лишь только теперь видѣлъ, и коихъ весь промыслъ состоишь въ томъ, что они день и ночь упражняются въ изчисленіи сокровищъ государственныхъ, дабы узнать, во сколько времени къ себѣ перевести могутъ. А другой блѣдной и разсѣпанной, спросилъ *Ацемъ*, въ длинномъ кафтанѣ и который столь громко говоришь? Это спрячѣй, отвѣтствовалъ онъ ему, коего искусство состоишь въ изслѣдованіи, въ какомъ видѣ представишь дѣло правительству и какъ бы показать черное бѣлымъ, а бѣлое чернымъ. Далѣе стоишь судья, который для соблюденія точной середины между сими двумя крайностями, судишь дѣло такъ, что бы оное казалось половину чернымъ и половину бѣлымъ. Тотъ же, у коего гордая осанка, голова высоко поднята и весьма важная походка, есть военной человѣкъ, который

долженъ биться и сердиться въ то время, когда ему шокмо скажутъ, что сего честь его пребусть, не имѣя никакой болѣе къ тому причины. А изъ шѣхъ двухъ, которые похожи на женщинъ препоясанныхъ шпагами, одинъ комедіантъ, а другой пѣвецъ, коихъ обоихъ дарованія соспоютъ въ томъ, что они могутъ смѣяться и плакать въ назначенное время. Всѣ прочіе, которыхъ ны здѣсь видишь, ни комедіанты, ни пѣвцы, но они не меньше ихъ упражняющіяся въ изъявленіи такихъ чувствъ, которыхъ они не имѣютъ, и такимъ образомъ обманываютъ другъ друга. Изъ всѣхъ сихъ людей, нѣтъ ни единого человека, который бы не воображалъ себѣ, что онъ имѣетъ справедливостъ предпочиташъ или по крайней мѣрѣ сравнивашъ свое соспояніе со всѣми прочими, и который при всемъ томъ будучи недоволенъ своимъ жребіемъ, не желалъ бы лучшаго и не завидовалъ другимъ. Ахъ! какія прошивности, сказалъ *Ацель!*

Между красавицами бывшими украшеніемъ сего гульбища находилась одна,

которая привлекла на себя взоры *Ацема* и всѣ чувства его обольстила. Прекрасная Европейка, говорилъ онъ подошедъ къ ней прерывающимся голосомъ и имѣя воспламененныя глаза, сердце мое тебя обожаетъ, и сколь счастливымъ бы я себя почелъ, если бы дни свои могъ препровождать съ тобою, и если бы могъ безпрестанно имѣть тебя въ своихъ объятіяхъ и съ тобою разговаривать . . . Больше не могъ онъ говорить; всѣ начали смѣяться; мать же сея прелестныя Европейки, которая не смѣясь сидѣла позади ее, съ торопливостію ему говорила, тише, тише, государь мой, она дочь моя: я вѣрю, что чувства ваши непорочны и законны, но мнѣ кажется, что вы молоды и ничего еще не значитъ въ свѣтѣ; и такъ вамъ бы надлежало думать прежде о томъ, что бы приобрести себѣ какое нибудь достоинство въ обществѣ, нежели о моей дочери. Достоинство, вскричалъ *Ацемъ*! ваша любезная дочь безъ сомнѣнія достойна престола; но гдѣ можно найти и завоевать такое достоинство. Одна-

ко же, если вамъ сего непременно хочется, то я пойду къ своимъ товарищамъ, соберу ихъ и предводительствуя ими, прійду свергнуть съ престола вашего Государя, если то нужно, по тому что съ такимъ токмо условіемъ . . . Я не требую, сказала она ему, прервавъ его рѣчь, что бы вы свергнули съ престола нашего Государя; довольно того, чтобы вы заснули мѣсто какого нибудь изъ его подданныхъ и имѣли бы нѣсколько земли въ его областяхъ, что бы могли сказать, моя земля, мой домъ и пр. но какъ при томъ всѣ уже земли заняты, и всѣ принадлежатъ одной половинѣ людей, а другая владѣтъ оными ожидаетъ своей очереди; то пока мѣсть не прійдетъ ваша очередь, я вамъ запрещаю изъясняться въ любви предъ дочерью моею, по тому что вамъ можетъ быть не скоро владѣть достанется, а можетъ быть и никогда, не смотря на всѣ ваши достоинства; можетъ еще спастись и то, что мѣсто, которымъ вы со временемъ владѣть будете, не будетъ стоить того, что бы я ошдала

за васъ дочь свою; по чему вамъ надлежитъ скрыватьъ ощущаемую вами къ ней любовь; въ прошивномъ случаѣ вы ее никогда не увидите: законы сїи столь древны, какъ и самой свѣшѣ, и вы напрасно сему удивляетесь. Изъ какой вы земли, что сїе для васъ столь удивительно кажется? У насъ есть такъ же и другой законъ не меньше древенъ, который намъ говоритъ, что наши сокровища и наше имѣніе не однимъ намъ принадлежатъ, но всѣ люди равное право на оныя имѣютъ, и что мы должны съ ними дѣлиться, хотя бы они и не благодарны были. Я почишаю оной чрезмерно, однако же и до сего времени не могла еще рѣшиться слѣдовать оному и я не одна такъ поступаю. „Ахъ! Боже мой! вскричалъ *Ацемъ*, что слышу я? Ахъ чудовища! жестокіе, безчеловѣчные! итъ, не хочу болѣе у васъ оспаиваться: непостоянство ваше приводитъ меня въ ужасъ; я менѣе буду подверженъ бѣдствіямъ, скитаясь по самымъ дремучимъ лѣсамъ; тамъ могу я слѣдовать по своей волѣ движеніямъ естества и тамъ

и львы и шигры не столь свирѣпы...
 Но нѣтъ, можешь быть есть другая
 страна, гдѣ люди лучше, справедливыѣ,
 человеколюбивыѣ, великодушныѣ и чув-
 ствительныѣ поступаютъ: пойду, спа-
 ну оныя искашь и на вѣки отсюда уда-
 люсь.

РАЗГОВОРЪ

Дикаго съ Бакалавромъ,

изъ .

сочиненій Г. Вольшера.

Бак. Г. Дикій, ты видѣлъ безъ сомнѣнія многихъ изъ своихъ товарищей, ведущихъ совсемъ уединенную жизнь, о которой у насъ говорятъ, что она есть настоящая жизнь человѣка, а не общественная наша столь испорченная и не соотвѣтствующая состоянію человѣка.

Дик. Напрасно. Я никогда такихъ людей не видывалъ, и мнѣ кажется, что человѣкъ сотворенъ для общества, какъ и многіе другіе роды животныхъ. Каждой родъ слѣдуетъ врожденной своей склонности, и мы живемъ у себя обществомъ.

Бак. Обществомъ? Такъ у васъ есть по тому прекрасные стѣнами обнесенные города, Короли живущіе въ велико-

лѣпныхъ чертогахъ, театры, монастыри, училища и питейные дома?

Дик. Нѣтъ, но я слыхалъ, что и на вашей части свѣта есть такіе люди, какъ то Арапы и Татары, кои ничего изъ вышепомянутого не имѣютъ, но при всемъ томъ составляютъ знашныя народы. Мы живемъ такъ какъ они. Сосѣдственные сѣмейства подаютъ взаимную себѣ помощь. Мы обихаемъ въ жаркой спранѣ, въ которой не много нуждъ имѣемъ, пищу достаемъ себѣ легкимъ образомъ, женимся, приживаемъ дѣшей, воспитываемъ ихъ и умираемъ. Все же сіе не инако и у васъ, исключая нѣкоторыя шокмо обряды.

Бак. Такъ видно другъ мой, ты не дикій?

Дик. Я не знаю, что ты разумѣешь подъ симъ именемъ.

Бак. Да я и самъ право не знаю; надобно мнѣ напередъ о томъ подумать. Мы называемъ дикимъ человѣка угрюмаго, который удаляется отъ людей.

Дик. А я уже сказывалъ, что мы живемъ вмѣстѣ сѣмьями.

Бак. Мы называемъ еще дикими звѣрей, кои не укрощены и бѣгающъ по лѣсамъ, по чему и называющся у насъ дикими и люди, которые живутъ по лѣсамъ.

Дик. Мы ходимъ въ лѣса такъ какъ и вы, когда ходите на охоту.

Бак. Думаешь ли ты когданибудь?

Дик. Не лѣзя иногда чегонибудь не думаю.

Бак. Я очень бы желалъ знать твои мысли. Что ты думаешь о человѣкѣ?

Дик. Я думаю, что онъ есть животное о двухъ ногахъ, которое имѣетъ способность разсуждать, говорить и смѣяться, и которое можетъ употреблять руки свои гораздо лучше, нежели обезьяна. Я видѣлъ разные роды сихъ животныхъ, видѣлъ бѣлыхъ такихъ какъ ты, рыжихъ, какъ я, и черныхъ такихъ, какъ у господина Каэнскаго Губернатора. У васъ борода, а у насъ оной нѣтъ: у Араповъ шерсть, а у насъ съ вами волосы. Говоряшъ, что у васъ на Сѣверѣ люди бѣловолосые, у насъ же въ Америкѣ всѣ черноволосы. Больше я о человѣкѣ ничего не знаю.

Бак. Но о душѣ другъ мой, о душѣ какія ты имѣешь понятія? Откуда она водворилась въ тебя, и что есть такое? что она дѣлаетъ? какимъ образомъ дѣйствуетъ? и куда дѣвается?

Дик. Ничего не знаю. Я никогда души не видывалъ.

Бак. Постой. Думаешь ли ты, что скопы шокмо машины?

Дик. Оные кажутся мнѣ бышь машинами, имѣющими чувства и память.

Бак. А ты господинъ дикій, какое думаешь имѣть преимущество предъ скопами?

Дик. Несравненно лучшую память, гораздо болѣе понятій и сверхъ того языкъ производящій непримѣрно болѣе голосовъ нежели языкъ у скоповъ, да еще проворнѣйшія гораздо руки и способность при томъ смѣяться великимъ умствователямъ.

Бак. Но скажи пожалуй, какимъ образомъ ты всѣми сими способностями обладаешь? какого свойства твой разумъ? какимъ образомъ оживотворяешь душа твоя тѣло? всегда ли ты дума-

ешъ? и свободна ли твоя воля?

Дик. Довольно вопросовъ! ты у меня спрашиваешь, какимъ образомъ обладаю я тѣмъ, что Богъ даровалъ челсвѣку: вопросъ сей шочно шаковъ, какъ бы ты у меня спросилъ, какимъ образомъ я родился? Поелику я человекъ, то не должно ли мнѣ имѣть всего того, что составляетъ человека, подобно какъ дерево имѣетъ кору, корни и листья? Ты хочешь, что бы я зналъ, какого свойства мой разумъ, но какъ я не самъ себѣ оной далъ, то сего и не знаю, а еще менѣе, какимъ образомъ душа моя оживляетъ тѣло. Я думаю, что прежде видѣть надобно главную пружину твоихъ часовъ, а потомъ уже судить, какимъ образомъ показываютъ онѣ время. Ты у меня спрашиваешь, всегда ли я думаю? Нѣтъ не всегда; иногда имѣю я только темныя мысли, когда вижу напримѣръ предметъ вдали; иногда имѣю мысли ясныя, когда вижу предметъ близко и явственно; иногда же не имѣю совсемъ никакихъ мыслей, а особливо когда зажмуру глаза и ни-

чего не вижу. Еще спрашиваешь у меня, свободна ли моя воля? Но я тебя не разумью: прошу мнѣ изъяснишь: ты безъ сомнѣнія имѣешь о шаковыхъ вещахъ совершенное свѣденіе.

Бак. И конечно: я учился всему тому и могъ бы тебѣ о томъ говорить сряду цѣлой мѣсяцъ, но ты, ничего не поймешь. Скажи пожалуй, знаешь ли ты, что добро и худо, что право и не право? какое правленіе есть самое лучшее? какое изъ Богопочишаній? какое изъ правъ народныхъ, общественныхъ, гражданскихъ и церковныхъ? кто былъ именемъ первый мужъ и первая жена, кои населили Америку? и знаешь ли ты, для чего на морѣ бываетъ дождь, и для чего у тебя нѣтъ бороды?

Дик. Ты конечно съ намѣреніемъ злоупотребляешь признаніе мое, что у меня болѣе памяти нежели у скошовъ. Я едва могу упомянуть всѣ твои вопросы. Ты говоришь о злѣ и добрѣ, о правѣ и не правѣ. Мнѣ кажется, все то, что приносишь намъ удовольствіе и не дѣлаешь при томъ никому обиды, есть

добро и справедливо; то же, что наноситъ другимъ людямъ обиду и сопряжено только со вредомъ или досадою ихъ, весьма для насъ самихъ опасно и несправедливо.

Бак. И съ такими правилами живете вы въ обществѣ?

Дик. Да, живемъ съ нашими родственниками и сосѣдами безъ дальнихъ безпокойствъ и неудовольствій лишь по сну и болѣе, послѣ чего шло наше утучняеиъ ту самую землю, ошъ коея прежде оное шучнѣло.

Бак. Голова кажется у тебя хороша, и мнѣ хочется ее вскружить: опобѣдаемъ вмѣстѣ, а послѣ спанемъ философствовашъ порядочно.

Разговоръ второй.

Дик. Я наѣлся шакого кушанья, которое кажется не по мнѣ, хотя въ прочемъ желудокъ у меня и весьма хорошъ. Ты заставлялъ меня ѣсть и пишь, когда уже мнѣ и не хотѣлось. Ноги мои теперь не столь крѣпки, какъ были до обѣда; голова спала тяжелѣе и мысли

помрачились. Такого ослабленія я не чувствовалъ никогда еще у себя дома. Здѣсь, чемъ полнѣе желудокъ накладываетъ, тѣмъ болѣе кажется тебя убываетъ. Скажи пожалуй, что сему причиною?

Бак. Изволь. Во первыхъ, что касается до ослабленія твоихъ ногъ, то я ничего не знаю, а вѣдаютъ причину тому врачи, о чемъ можешь ты у нихъ спросить. Въ разсужденіи же того, что происходитъ въ твоей головѣ, то мнѣ очень извѣстно. Слушай: душа не имѣя никакого мѣста находишься въ шакъ называемой кетельной желѣзѣ посреди головы. Подымающіяся изъ желудка тонкія пары восходятъ къ душѣ, коей однако не могушь касаться, поелику оныя вещественны, а душа не вещественна. И какъ не могушь другъ на друга дѣйствовать, то душа принимаетъ ихъ впечатлѣніе; но поелику она существо простое, и слѣдовательно не можешь имѣть никакой перемѣны, то она перемѣняется и дѣлается тяжелою, когда кто наѣлся много; и отъ сего по

происходитъ, что многіе великіе люди сѣяшъ послѣ обѣда.

Дик. Слова твои кажутся мнѣ остроумными и глубокомысленными; но сдѣлай милость, разтолкуй мнѣ оныя шакъ, что бы я понялъ.

Бак. Я тебѣ все сказалъ, что можно сказать о семъ важномъ предметѣ; однако же во угожденіе тебѣ еще подробнѣе изъяснюсь. Пойдемъ поспешенно: знаешь ли ты, что сей свѣтъ есть изъ всѣхъ возможныхъ наилучшій?

Дик. Какъ! не уже ли безконечному и всемогущему существу не возможно сдѣлать чего нибудь лучшаго нами видимого?

Бак. Конечно нѣтъ и видимое нами есть самое наилучшее. Правда, что люди другъ друга грабятъ и умерщвляютъ; однако они хвалятъ всегда при томъ кропость и правду. Нѣкогда побито миліоновъ съ двѣнадцать вашей брашны Американцовъ, но то было для того, что бы сдѣлать прочихъ поумнѣе. Нѣкошорый машемашикъ доказалъ, что со времени Троянской войны, кошорой ты

не знаешь, даже до извѣстной тебѣ Акадской, побито на порядочныхъ сраженіяхъ по крайней мѣрѣ пять сотъ пятьдесятъ пять миліоновъ, шесть сотъ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, не считая дѣшей и женъ избытыхъ по разореннымъ городамъ; однако все то было для общія пользы. Четыреста или пять сотъ жестокихъ болѣзней заставляють почищать здоровье, а пороки и пресупленія наполняющія землю возвышають достоинство крошкихъ людей, въ числѣ коихъ считаю и я себя. Ты видишь, что все происходитъ въ свѣтѣ наилучшимъ образомъ по крайней мѣрѣ для меня. — Такого совершенства на свѣтѣ конечно бы не было, если бы душа не имѣла пребыванія своего въ кегельной желѣзѣ; ибо... Но пойдемъ порядкомъ и неспѣшно: какое понятіе имѣешь ты о законахъ, о правдѣ и неправдѣ, о хорошемъ и о Токалонѣ, какъ говоритъ Платонъ?

Дик. Но, государь мой, ты намѣрившись говорить порядкомъ и неспѣшно, говоришь мнѣ вдругъ о тысячи вещахъ.

Бак. Въ разговорахъ инако не бываеашъ. — Скажи мнѣ, кто сочинялъ у васъ законы?

Дик. Общая польза.

Бак. Слово сіе значитъ не мало; мы сами сильнѣйшаго выраженія не знаемъ: но какъ ты оное разумѣешь?

Дик. Я разумѣю, что тѣ, кои имѣли у себя кокусовы деревья, запретили другимъ прикасаться къ онымъ, и что тѣ, кои оныхъ у себя не имѣли, принуждены были работашъ, дабы имѣть право ѣсть ошъ нихъ. Все, что я ни видѣлъ въ своей и въ вашей землѣ, показываешъ мнѣ, что нѣтъ инаго разума законовъ.

Бак. Но женщины господинъ дикій, что женщины?

Дик. Ну, что женщины! онѣ мнѣ очень нравятся, когда пригожи и скромны. Онѣ гораздо лучше нашихъ кокусовыхъ плодовъ, до коихъ мы не велимъ другимъ допрогиваться: взявъ у меня жену, споль же мало другой имѣетъ права, какъ и взявъ у меня сына. Говорятъ, что есть народы, кои за то не

сердяшся; они въ томъ вольны: всякъ можеть дѣлать съ добромъ своимъ что хочеть.

Бак. Но наслѣдства и раздѣлы по прямой и побочной линіи?

Дик. Конечно надобно бытъ наслѣдствамъ; когда я не могу болѣе уже владѣть своимъ полемъ, то оставляю оное своему сыну; если у меня ихъ двое, то они его поравну между собою раздѣляютъ. Я слышалъ, что у васъ и во многихъ другихъ еще мѣстахъ доспается по законамъ все имѣніе старшему сыну, а младшимъ ничего; таковыя законы писаны конечно корысполубіемъ и введены въ обычай старшими дѣтьми.

Бак. Какіе по мнѣнію твоему наилучшіе законы?

Дик. Тѣ, въ коихъ наиболѣе уважается общая польза намъ подобныхъ.

Бак. Гдѣ такіе законы?

Дик. Сколько я слыхалъ, нигдѣ.

Бак. Но скажи мнѣ, откуда взялись у васъ люди, и кто населилъ вашу Америку?

Дик. Мы думаемъ, что Богъ.

Бак. Это не ошвѣшъ. Я спрашиваю, изъ кошорой земли вышли первые ваши жишели.

Дик. Изъ шой, изъ кошорой и наши деревья. Вы господа Европейскіе обитатели кажется очень забавны, что думаете, будто бы мы ничего не могли имѣшъ безъ васъ. Мы сполько же имѣемъ права думать, что мы ваши опцы, какъ вы воображаете себѣ быть нашими.

Бак. Вашъ Дикій довольно упрямый!

Дик. Вашъ Бакалавръ довольно шушливый!

Бак. Г. дикій, еще одно словцо, думаютъ ли у васъ, что надобно умерщвляшъ людей, которые не одного съ вами мнѣнія?

Дик. Думаютъ, но съ тѣмъ, что бы ихъ ѣсть.

Бак. А о еложеніи человѣка, что думаютъ?

Дик. Прощай! добро.